

К ЭМИЛИИ

Подруга милая моей судьбы смиренной,
Которою меня бог щедро наградил!
Ты хочешь, чтобы я, спокойствием усыпленный
Для света и для муз, талант мой пробудил
И людям о себе напомнил бы стихами.
О чем же мне писать? В душе моей одна,
Одна живая мысль; я разными словами
Могу сказать одно: душа моя полна
Любовию святой, блаженством и тобою, —
Другое кажется мне скучной суетою.
Сказав тебе: *люблю!* уже я всё сказал.
Любовь и счастье в романах говорливы,
Но в истине своей и в сердце молчаливы.
Когда я счастье себе *воображал,*
Когда искал его под бурным небом света,
Тогда о прелестях *сокрытого* предмета
Я часто говорил; играл умом своим

289

И тени прибирать любил одне к другим,
В *отсутствии* себя портретом утешая;
Тогда я счастлив был, о счастии мечтая:
Мечта приятна нам, когда она жива.
Но ныне, милый друг, сильнейшие слова
Не могут выразить сердечных наслаждений,
Которые во всем с тобою нахожу.
Блаженство предо мной: я на тебя гляжу!
Считаю радости свои числом мгновений,
Не думая о том, как их изображать.
Любовник может ли любовницу писать?
Картина пишется для взора, а не чувства,
И сердцу угодить, не станет ввек искусства.
Но если б я и мог, любовью вдохновен,
В стихах своих излить всю силу, нежность жара,
Которым твой супруг счастливый упоен,
И кистию живой и чародейством дара
Всё счастье свое, как в зеркале, явить,
Не думай, чтобы тем я мог других пленить.
Ах, нет! сердечный звук столь тих, что он невнятен
В мятежных суетах и в хаосе страстей.
Кто истинно блажен, тот свету неприятен,
Служа сатирою почти на всех людей.

Столь редко счастье! и столь несправедливы
Понятия об нем! Иначе кто, в серебре,
В приманках гордости, в чинах и при дворе,
Искал бы здесь его? Умы самолюбивы:
Я спорить не хочу; но мне позволяют быть
Довольным в хижине, любимым — и любить!
Так пастырь с берега взирает на волненья
Нептуновых пучин и видит корабли
Игралищем стихий, желает им спасенья,
Но рад, что он стоит надежно на земли.
Нет, нет, мой милый друг! сердечное блаженство
Желает тишины, а музы любят шум;
Не истина, но блеск в поэте совершенство,
И ложь красивая пленяет светский ум
Скорее, чем язык простой, нелицемерный,
Которым говорят правдивые сердца.
Сказав, что всякий день, с начала до конца,
Мы любим быть одни; что мы друг другу верны
Во всех движениях открытая души;

290

Сказав, что все для нас минуты хороши,
В которые никто нам не мешает вольно
Друг с другом говорить, друг друга целовать,
Ласкаться взорами, задуматься, молчать;
Сказав, что малого всегда для нас довольно;
Что мы за всё, за всё творца благодарим,
Не просим чуждого, но счастливы своим,
Моля его, чтоб он без всяких прибавлений
Оставил всё, как есть, в самих нас и вокруг, —
Я вкусу *знатоков* не угожу, мой друг!
Где тут Поэзия? где вымысл украшений?
Я истину скажу; но кто поверит ей?
Когда пылающий любовник (часто мнимый)
Стихами говорит любовнице своей,
Что для него она предмет боготворимый,
Что он единственно к ней страстию живет,
За нежный взор ее короны не возьмет,
И прочее, — тогда ему иной поверит:
Любовник, думают, в любви не лицемерит;
Обманывает он себя, а не других.
Но чтоб супружество для сердца было раем;
Чтоб в мирной тишине приятностей своих
Оно казалось всегда цветущим маем,
Без хлада и грозы; чтоб нежный Гименей
Был страстен, и еще сильнее всех страстей, —

То люди назовут бессовестным обманом.
История любви там кажется романом,
Где всё романами и дышит и живет.
Нет, милая! любовь супругов так священна,
Что быть должна от глаз нечистых сокровенна;
Ей сердце — храм святой, свидетель — бог, не свет;
Ей счастье — друг, не Феб, друг света и притворства:
Она по скромности не любит стихотворства.